

Н. И. ШУТОВА (Ижевск)

ОБ ЭТИМОЛОГИИ И СЕМАНТИКЕ ТЕРМИНА *воршуд/вожшуд*

Abstract. On the Etymology and Semantics of the Term *воршуд/вожшуд*

The paper deals with the concept of *воршуд/вожшуд* in the Udmurt language, which used to serve as a theonym for one of the traditional deities. The word was preserved by Udmurt local groups living in a foreign-language environment. According to the folklore and linguistic materials considered *вожшуд* means sacred happiness (fate, share, destiny) and manifests the idea of sacred values, energy accumulated by generations of ancestors, as well as the communications of a related community with the "other" reality. The veneration and reverence of *воршуд* — the god-keeper of Udmurt clan and family was handed down from generation to generation, which promoted preservation of a spiritual bond between generations of the population (living, dead ancestors and future generations).

Keywords: Udmurt language, Komi language, theonym, *воршуд/вожшуд*, *вожо*, sacred happiness/value.

Образ удмуртского семейно-родового божества-покровителя Воршуда с давних времен привлекал внимание исследователей. Термином *воршуд* обозначали родовую группу и совокупность людей, поклонявшихся этому божеству. Кроме того, так называли неодушевленные предметы, имевшие отношение к божеству. Среди них — священный короб с жертвенными приношениями; символическое изображение духа-покровителя, хранящееся в священной постройке куале; место, на котором размещались короб или изображение; особые привески, которые свидетельствовали о принадлежности человека к определенному роду. Божество *Воршуд* покровительствовало людям во всех жизненных ситуациях, к нему обращались в случае болезней и других несчастий. Чаще представляли его в виде удмурта в белом, обитавшего в куале. Там же хранились священные предметы, символизировавшие божество *Воршуд*. В далеком прошлом это были специально изготовленные идолы из дерева, глины, луба, меди, серебра, теста или хлеба. Фигурки в виде человечков иногда имели обозначения головы, носа, рта, воловьих рогов, бороды из трав, «металлические письмена» на груди. Встречался *Воршуд* в виде диких и домашних животных, птиц. В начале XIX века фигурки заменила берестяная или лубяная коробка с жертвенными приношениями — монетами, бусинками, шкурками зве-

рей и т. д. По мнению этнографа В. Е. Владыкина, «Воршуд, коробка с ее содержимым — служила как бы своеобразной «вещной» моделью мира, «началом начал» для удмуртов, религиозно-мифологическим эталоном-гарантом незыблемости миропорядка, ведь сохранение воршудной коробки и ее содержимого означало сохранение привычного хода жизни данного рода, семьи и мира в целом, поскольку здесь были представлены его символические части, это был своего рода библейский Ноев «миниковчег», аналог «куньего мешочка» с «первосеменами», о котором говорится в «Калевале»» (Владыкин 1994 : 283).

В литературе высказано много предположений относительно этимологии и семантики слова *воршуд* (диал. *вошшуд*, *вожшуд*, *вошуд*, *вордшуд*, *шуд вордйсь*). В текстах заклинаний, записанных Н. Г. Первухиным у глазовских удмуртов, встречается весьма примечательная форма *шудэ-ворэ* (1888б : 7) с посессивным суффиксом *э* и *е* от основной формы *шуд вордйсь*. Приведем мнения исследователей в хронологическом порядке. По М. Ф[армаковскому], автору статьи «Вотские праздники» (написана ок. 1878 г., опубликована в 1898 г.), слово *воршуд* означает 'сильное, великое счастье, понимаемое в смысле ангела-хранителя деревни' (по: Чураков 2007 : 55). По Б. П. Гаврилову, *воршуд*, точнее его синоним *шуд вордйсь*, — 'родоначальник / начальник счастья'. Для диал. *вожшуд* этот автор, исходя из удм. *вож* 'зеленый, несозревший; в переносном значении: молодой', предлагал объяснение 'молодое счастье' (Гаврилов 1880 : 160; 1891 : 82). По Г. Е. Верещагину, *воршуд* 'божество семейного родового счастья', 'питаемое или хранимое счастье', у казанских удмуртов *шуд-вордйсь* 'хранитель счастья' имеет значение благословения родоначальника (Верещагин 1889 : 80—81). В словаре Ю. Вихманна зафиксирован термин *воршуд/вожшуд* (в том числе *шуд-вор* в глазовском диалекте) в значении 'домашний дух, дух-защитник домашнего счастья' (WW 1887 : 323). Близкие вариации изложенных трактовок: 'тайное счастье' (Богаевский 1890 : 100), 'рождающий или несущий счастье' (связан с культом предков) (Косвен 1931 : 20), 'защитник счастья' (Holmberg 1927 : 116—119). В поздней христианской версии божество Воршуд воспринималось как святой дух или ангел (Munkácsi 1890—1896 : 683—684). Священник Н. Н. Блинов считал, что *воршуд* — это испорченное составное слово *вужшуд* (удм. *вуж* 'старый'), упоминаемое в молитве для определения полноты счастья, необходимого довольства в жизни: «как жили в старину счастливо, так и впредь было бы» (Блинов 1898 : 15).

Наиболее распространенной является трактовка *вордшуд/воршуд* глазовскими удмуртами как хранителя счастья, хранителя благополучия (от *вордыны* 'хранить, оберегать, содержать' и *шуд* 'счастье, в смысле участь, доля, жребий'), хотя Н. Г. Первухин приводит более точные варианты — 'скрытое, спрятанное счастье', 'сокрытая судьба', 'таинственная доля', 'таинственное счастье' (1888а : 50—52). В 1979 г. В. К. Кельмаков предложил версию, которая рассматривает слово *воршуд* в качестве дублетной формы, состоящей из синонимов: древнеперм. *вор* 'счастье, свет, сияние, счастье осиянное' и индоиран. *шуд* 'радость, счастье, удовольствие' (по: Владыкин 1994 : 275—276).

В последние годы высказано еще несколько версий происхождения термина *воршуд*. Этнограф Г. К. Шкляев объяснил его с помощью внеш-

не созвучного коми *vöršud* 'лесная удача' (2003 : 126—127). В. С. Чураков считает, что слово (имя собственное) *воршуд* 'дух родового предка-покровителя' непосредственно восходит к устойчивому выражению *vordem šud, на что указывает также отмеченная форма *vordšud* (*вордшуд*). В названии духа предка-покровителя отразилась идея заботы (удм. *вордэм* < *вордыны* 'заботиться, оберегать') об умершем предке-родоначальнике, дух которого, по представлениям некрещеных удмуртов, покровительствовал потомкам, давал счастье — *шуд* (отсюда, кстати, и его второе название *шуд вордйсь*, которое можно перевести как 'одаривающий счастьем' букв. 'рождающий счастье') (Чураков 2007 : 56). По мнению Т. Г. Владыкиной и Г. А. Глуховой, *воршуд* происходит от сочетания *вордыны* 'родить, растить' и *шудыны* 'воспроизводить, порождать, рождать', «обе части которого равнозначны в определении процесса воспроизводства рода» (Владыкина, Глухова 2011 : 39).

В контексте рассматриваемой проблемы проанализируем диалектную версию наименования семейно-родового божества *Вожшуд*. При молениях в священной постройке Великая куала слободские удмурты обращались с просьбами к родовым божествам *Чола-вожшуд*, *Чипья-вожшуд*, *Дурга-Побья-вожшуд*, *Кылдысин-вожшуд* и *Инмала/Иммала-вожшуд*, чтобы те дали тепла, хорошего урожая, здоровья, благоденствия в будущем и т. д. Божеству-покровителю *Инмала/Иммала-вожшуд* было посвящено общественное капище Иммала/Инмала, расположенное в глухих лесах возле деревень Омсино и Красногорье (совр. Слободской р-н Кировской обл.). Сюда на моления в период летнего солнцестояния (около Петрова дня) собирались жители 23 окрестных селений (см. Шутова 2001 : 28—34).

Молитвенные обращения к старинному семейно-родовому божеству *Инву-вошшуд* (*вошшуд* — искаженный вариант *вожшуд*. — Н. Ш.) при молениях в Великой (*Бьдзым*) куале, а иногда и в священной роще Луд зафиксированы в начале XX в. финским ученым У. Хольмбергом у закамских удмуртов (д. Старая Кырга бывшей Большегондырской волости, Осинского уезда Пермской губернии и д. Можга бывшей Байгузинской волости, Бирского уезда Уфимской губернии) (Садиков 2010 : 17—18, 20, 37, 39—40). Кроме того, наименование божества-покровителя *Вожшуд* сохранилось в сакральных текстах *вось нерге гур* собственно южных удмуртов (д. Средние Варзи-Омга, Алнашский р-н, Удмуртская Республика):

Парсы но дурьёсын пукылйсь но вожшудмы

«Зеч улэлэ» шуылыса но, ой, лэзьылйз.

Возьмад-а(й), возьмад-а(й), зеч вожшудьёсмы, ой,

Ми лыктймы(й) зеч вожшудьёсмес, ой, малпаса.

Зеч улэ, зеч улэ, зеч вöсьёсмы,

Вöсям гынэ вöсьёсмы но бон кабыл медло(й).

'У реки Парсы (удм. название реки Варзи) хранящийся наш вожшуд Счастья нам пожелав, ой, отправил.

Ждал ли, ждал ли добрый наш вожшуд,

Мы пришли, о добром нашем вожшуде помня,

До свидания, до следующего раза, наше святилище.

Проведенное нами [здесь] моление пусть благосклонно принято будет' (Бойкова, Владыкина 1992 : 21—22).

Обращает на себя внимание устойчивость употребления формы наименования семейно-родового (и племенного у слободских удмуртов) божества *Вожшуд*.

Помимо теонима с формантом *вож*, в удмуртском традиционном календаре существовали понятия с корнем *вожо*: *инвожо* 'дни летнего солнцестояния' (*ин* 'небо, небесный'; *вожо* 'священное, переходное') и *вожодыр/уйвожо* 'дни зимнего солнцестояния' (*вожо* 'священное, переходное'; *дыр* 'время, период'; *уй* 'ночь, ночной' или *уйпал* 'север, северная сторона') для обозначения особых переходных периодов между концами лунного и солярного года. Восходит к общеперм. *vęža* 'святой, священный, освященный', означающему переходное почитаемое время. Согласно народным представлениям, в эти дни по земле гуляют злые духи *вожо*, олицетворяют которых ряженые. Считалось, что ряженые пугают банных духов, изгоняют болезни, приносят удачу в делах, способствуют урожаю конопли, росту поголовья скота. В Крещенье *вожо* «уходили» под воду (Первухин 1888а : 58—60; Владыкина 1998 : 83—84).

Во время летнего солнцестояния *инвожо* (конец июня — начало июля) в каждой деревенской общине отмечались земледельческие праздники — *гершyd* и *дэмен вѳсь*, когда в жертву богам приносили практически все виды домашнего скота: жеребят, бычков, телок, овец, гусей (Бойкова, Владыкина 1992 : 11). У закамских удмуртов встречаются упоминания об *ин-вожо* в значении 'душа неба' (Садиков 2010 : 70).

Рассмотрим понятия *вож*, *вожо* и *шуд*. Слово *вож* имеет несколько значений и образует много производных и сложных слов, среди них *вож* 'зеленый (о цвете), зелень', отсюда: *вожпинал* (*вожнуны*) 'младенец, новорожденный'; 'перекресток, перепутье', отсюда *сюресвож* 'перекресток дороги, развилина'; 'устье', отсюда *зарезьвож* 'устье, лиман (залив в низовьях реки)' или *шурвож* 'устье реки'; 'цен (каждый из двух рядов основы), скрещение нитей основы'. Слово *вожвыл* 'крест-накрест'; 'наискосок'; 'против, напротив'; 'противоречие; перекресток' (УРС 1983 : 86; УРС 2008 : 127). В выражениях *вожез потэ* 'он злится, сердится'; *вожзэ вайиз* 'он рассердился, озлобился' *вож* означает злость, рассерженность, гнев, злобу и т. п., от него происходят *вожпотон* 'чувство гнева, злости' (*потон* 'выход'); *вожан* 'ревность'; *вожаны* 'приревновать, ревновать'.

Термины с основой *вожо* также имеют несколько значений, среди них 'с зеленью'; *вожо* (божество страха и привидений), отсюда *вожодыр* 'святки, зимнее солнцестояние' (*вожо* 'священное, переходное', *дыр* 'время, период'); *вожоаськыны* 'рядиться, одеваться в маскарадный костюм'; *вожояськыса ветлон* 'ряженье'; *вожояськысь* 'ряженный'; *вожокыл* 'святочный рассказ; сказка (рассказываемая во время святок)' (УРС 1983 : 87; УРС 2008 : 128).

Аналогичные понятия распространены и в коми языке. Так, *вежа* 'святой, священный, освященный' (от общеперм. *vęža 'святой, освященный, священный', образованного с помощью суффикса *a* от *vęž* 'зеленый, желтый' > 'горький', а также 'зависть, страстное желание, злоба, гнев') входит в круг понятий в основном христианской религиозной лексики: *вежа ва* 'святая вода', *вежа дыр* 'святки', *вежа лун* 'церковный праздник', а также *вежай* 'крестный отец', *вежань* 'крестная мать', *вежати* 'крестный сын', *вежаныв* 'крестная дочь' (КЭСК 49—50; Лимеров 2002 : 157—158). В значении 'святой, священный' оно встречается и в древне-

пермских богослужебных текстах. Корреляция значений 'крестный' и 'перекресток' *туй веж* (*туй* 'дорога') позволила В. И. Лыткину вывести этимологию *веж* как 'крест' (по: Лимеров 2002 : 157—158). Одновременно формант *вежа* характеризуется амбивалентностью, функционирует одновременно в аспектах 'святой' и 'нечистый', что обусловлено отношением его к различным сферам сакрального: божественное, святое имеет положительную оценку, в то время как нечистое, загробное, связанное с запретом входить с ним в контакт — отрицательную (например, *вежань*, *вежа горань* 'банный дух, существо женского пола, обладающее особой вредоносностью') (Лимеров 2002 : 158—159).

Как справедливо заметил П. Ф. Лимеров, оппозиция чистого (священного) — нечистого, реализованная в праперм. **vǝʒ* и предполагающая определенную амбивалентность, эксплицирует значение 'перемены', которое является основным содержанием ряда коми (и удмуртских. — Н. Ш.) слов: коми *туй веж* 'разветвление дорог, развилка, перекресток', удм. *сюресвож* 'перекресток, перепутье'; коми *веж* 'скрещение нитей основы', удм. *вож* 'цен (ткац. каждый из двух рядов)'; *вежон*, *пад-вежон* 'крест-накрест', удм. *вожвыл* 'крест-накрест, наискосок' и др. Как понятие 'перемена' может означать переход из одного состояния (статуса) в другое. Например, с одной стороны, при обряде крещения ребенок как бы совершает переход от «нечистого» состояния к «чистому». С другой стороны, возможен обратный переход в «нечистое» состояние, который воспринимается как подмена своего, «чистого» ребенка чужим, «нечистым», связанным с потусторонним миром. Болезненный, хилый ребенок называется *вежѳм* 'подменный' (Лимеров 2002 : 160—161).

В глобальном смысле тема изменения, перемена статуса космоса «проигрывается в основном годовом ритуале, приуроченном к периоду зимнего солнцестояния, более известного как святочный (коми *вежа дыр* 'святки'; удм. *вожо дыр*, где *дыр* 'время'). Время изменения, перемены *вежа дыр* манифестирует «возвращение к докосмогонической ситуации означает символическое разрушение одной из фундаментальных оппозиций жизнь/смерть, что находит выражение во вторжении святочных духов, душ умерших в мир живых (*вежа войя*, *вежа пуляк* и т. п.)» (Лимеров 2002 : 162).

Удм. *шуд* 'счастье', производные от него *шудваись*, *шудвордйсь* 'приносящий счастье'; *шуд сётыны* 'дать счастье, осчастливить'; *шуд утчаны* (*эскерыны*) 'искать (испытать) счастье'; *шуд пыры* 'крупница счастья'; *шудпурты* 'везучий человек (букв. котел со счастьем)'; *шудпуйы* (*шудпыры*) 'счастливчик; везучий (человек)'. Другие значения с *шуд* — *шудбур* 'счастье'; *вылйшуд* 'высшее благо'; *шудсётйсь* 'благодатный, благодетель'; *шуд-дэлет* 'счастье и благополучие'; противоположное значение — *шудтэм* 'несчастливый, несчастный'; *шудтэм йырам* 'на мою несчастную голову'; *шудтэм мурт* 'несчастный человек'; *шудтэм нунал* 'несчастливый день' и др. (УРС 1983 : 506; УРС 2008 : 777).

Слово *шуд* 'счастье' от общеперм. **šud* авторы КЭСК определяют как допермское, заимствованное из иранских языков (др.-перс. *šiyāti*, авест. *šāti* 'радость, хорошее настроение, счастье') (КЭСК 323). Как в удмуртском, так и в коми языке общеупотребительное существительное *шуд*, у которого нормативные словари выделяют одно значение 'счастье', входит в древнюю базовую лексику языков и выступает

как полисемант, выражая одновременно такие понятия, как 'удача', 'успех', 'участь, судьба, доля' (Цыпанов 2012 : 269, 273).

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что в удмуртской среде имели распространение две основные формы теонима божества-покровителя семьи или крупного родственного коллектива, этнотерриториальной группы — *Вожшуд* и *Воршуд*. Теоним *вожшуд*, означающий сакральное (древнее/исконное) счастье (удачу/судьбу/долю), манифестирует идею сакральной ценности, накопленную поколениями предков энергию, а также указывает на связи каждого родственного коллектива с «иной» реальностью, которая в рамках традиционного мировоззрения подразделена на две сферы — нижний, подземный/подводный и высший, небесный. Отсюда происходит двойная ипостась удмуртских *вожо* и *коми вежа*, а также амбивалентность переходного сакрального времени *вожодыр/вежадыр*. С одной стороны, это лучшее время для привлечения удачи, для контакта с иной божественной сферой, моления в это время более благоприятны и быстрее достигают адресата. С другой стороны, это время переходное, опасное, требующее соблюдения определенных правил поведения, запретов, табу во взаимодействии с природной средой. Возможно, негативное значение переходного времени *вожодыр* и существ «иноного» мира как опасных, зловредных усилилось под воздействием православия. В этом контексте *вожо/вежа*, олицетворяющие потусторонние силы, в православии стали отождествляться с нечистью, с чертями и бесами. В сравнении с *коми вежа*, удм. *вожо*, символизировавшие души умерших предков и выполнявшие функции покровителей своих живущих родственников, воспринимались не столь зловеще.

Вполне возможно, теоним *Вожшуд* имел прежде более широкое распространение, а в конце XIX — начале XX века сохранился лишь среди отдельных групп удмуртского населения. Это понятие оказалось законсервированным в старинных текстах молений собственно южных удмуртов. Представления о былом божестве-покровителе *Инма-вожшуд* сохранились у отдельных этнотерриториальных групп удмуртов, проживающих в иноязычной среде: слободских удмуртов в окружении русских, отчасти татар, закамских удмуртов в башкирском окружении. Это древнее (общепермское) понятие *вожшуд/вошшуд* выявлено у слободских и закамских удмуртов и уже не встречалось в других ареалах. Можно полагать, термин был утерян или в ареале основной массы удмуртского населения трансформировался в общеупотребительный термин *воршуд* (удм. *вордыны* 'хранить, оберегать, растить' и общеперм. *шуд* 'счастье, участь, доля').

В образе уникального и старинного божества-хранителя удмуртского рода и семьи Воршуда/Вожшуда воплощена идея о тайном сакральном счастье каждого родственного коллектива. Почитание и благоговейное отношение к Воршуду передавалось из рода в род и содействовало сохранению духовной связи между разными поколениями — умершими предками, живущими людьми и потомками. Вследствие более ранней христианизации коми, представления об аналогичном божестве у них оказались утерянными, сохранились лишь слабые отголоски сведений о заветной берестяной коробочке (устное сообщение И. В Ильиной) — символе когда-то почитаемого божества. Вместе с тем, в коми среде сохранился архаичный общепермский термин

вежа в прямом значении 'святой, священный, сакральный' благодаря широкому вовлечению его в христианскую терминологию.

Address

Nadežda Šutova
Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian
Academy of Sciences
E-mail: nad_shutova@mail.ru

Сокращения

УРС 2008 — Удмуртско-русский словарь. Удмурт-зуч кыллюкам, Ижевск; **УРС 1983** — Удмуртско-русский словарь. Удмурт-зуч словарь, Москва; **WW 1987** — *Wotjakischer Wortschatz. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen, Helsinki (LSFU XXXI).*

ЛИТЕРАТУРА

- Блинов Н. Н. 1898, Языческий культ вотяков, Вятка.
Богаевский П. М. 1890, Очерки религиозных представлений вотяков. — Этнографическое обозрение IV, 75—109.
Бойкова Е. Б., Владыкина Т. Г. 1992, Песни южных удмуртов. Материалы и исследования, Ижевск (Удмуртский фольклор I).
Верещагин Г. Е. 1889, Вотяки Сарапульского уезда, Санкт-Петербург (Записки РГО XIV, 3).
Владыкин В. Е. 1994, Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов, Ижевск.
Владыкина Т. Г. 1998, Удмуртский фольклор. Проблемы жанровой эволюции и систематики, Ижевск.
Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. 2011, Ар-год-берган. Обряды и праздники удмуртского календаря, Ижевск.
Гаврилов Б. П. 1880, Произведения народной словесности, обряды и поверья вотяков Казанской и Вятской губерний, Казань.
— — 1891, Поверья, обряды и обычаи вотяков Мамадышского уезда Урьяс-Учинского прихода. — Труды IV археологического съезда в России, Казань, 80—156.
Косвен М. 1931, Распад родового строя у удмуртов. — На удмуртские темы II, Москва, 5—35.
Лимеров П. Ф. 2002, Термин *вежа* в контексте мифопоэтических представлений коми. — Пермистика 5, Ижевск, 157—164.
Первухин Н. Г. 1888а, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I, Вятка.
— — 1888б, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III, Вятка.
Садиков Р. Р. 2010, Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX века (экспедиционные материалы Уно Хольмберга), Уфа.
Цыпанов Е. 2012, 'Счастье' и 'удача' в финно-угорских языках. — LU XLVIII, 265—275.
Чураков В. С. 2007, Удмуртские традиционные верования в свете некоторых лексических реконструкций. — Иднакар. Методы историко-культурной реконструкции 1, Ижевск, 51—64.
Шкляев Г. К. 2003, Очерки этнической психологии удмуртов, Ижевск.
Шутова Н. И. 2001, Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции. Опыт комплексного исследования, Ижевск.
Hölmberg, U. 1927, *Finno-Ugric, Siberian*. — *The Mythology of All Races IV*, Boston.